

Андрей Фаицкий

minimorum

Москва | 2020

УДК 82-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ф20

За помощь в издании книги
автор выражает благодарность
Якову Красновскому, Анне Леоновой,
Ярославу Пичугину, Антону Чёрному
и Клементине Ширшовой

Фамицкий А. О.
Ф20 minimorum / Андрей Фамицкий. — М. : Грин Принт, 2020. — 80 с.
ISBN 978-5-907286-05-4

УДК 82-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© А. Фамицкий, текст, 2020
© Д. Дмитриев, Е. Ставрева, А. Чёрный, оформление, 2020

ISBN 978-5-907286-05-4

I

* * *

было это где-нибудь в Стаканове.
это не стихи, а кокаин, —
так сказал Гандлевский об Иванове
и употреблять его склонил.

и пошло, почухало, поехало,
и куда-то даже поползло,
стало распадаться, как молекула
или атом, эх, не повезло.

никому Россия, чай, не Франция:
не такой прованс и алфавит,
но зато аванс и компенсация,
и поэт с поэтом говорит.

29 августа 2015

* * *

сад будет продан, вырублен, сожжён,
какие вечера, какие вишни?!
вот бледный Чехонте вошёл с ножом,
нож для бумаг — но все актёры вышли.

жизнь не игра, но больше чем игра,
как ни люби вишнёвое повидло,
а сцены надвигается гора,
за ней ни сада, ничего не видно.

один сценарий съел, другой порвал,
а третий взял пилу, на то и ноша...
как всем известно, это был провал,
но все тебя запомнили, Антоша.

23 февраля 2016

* * *

строительство водонапорной башни,
скажи им: «Вавилон», — и не поймут.
а я вчера водил с крестьянкой шашни,
но кажется, мне мал её хомут.

заметили на сельской дискотеке
мои интеллигентские бока.
вдруг почему-то вспомнились ацтеки,
их жертвенники...
я сказал: «пока».

покачивая перьями на шляпе,
духами и туманами дыша,
встречает незнакомка в книжном шкапе.
сто лет прошло, а как ты хороша!

23 апреля 2016

* * *

струйка дыма и горстка пепла —
вот и всё, что осталось от.
жизнь могла быть великолепна,
но теперь и она не в счёт.

чаевые официанту,
зажимая в руке обол.
нет на колу и нет на фанту,
но зато посмотрел футбол.

счёт ноль-ноль. проиграла урна
сочинений на сто томов.
это очень литературно,
это очень о том, что мёртв.

14 июля 2016

* * *

ехать куда-нибудь
ночью на электричке.
холодно, ну и пусть,
выживем по привычке.

полупустой вагон,
два алкаша, три бабы.
время выходит вон,
может, и мне пора бы.

всё ещё двадцать семь,
это тебе не шутки.
тошно, и вместе с тем
сиднем вторые сутки.

выключить монитор,
пересчитать наличку,
в тамбур, за дверь, во двор,
ночью на электричку.

6 августа 2016

* * *

низовая лексика
и высокий слог.
Маяковский, лесенка.
балюстрада, Блок.

9 октября 2016

* * *

в поисках Клео, акме и пары строк
я пересёк пространство и тишину.
медленный поезд вёз меня на восток.
что я увидел? Дарка и Лапшину.

то не Калипсо кличет меня во тьме —
Красная башня высится как маяк.
станешь поэтом — будешь на высоте
пить чёрный кофе и золотой коньяк.

сладко в утробе литературы спать,
а просыпаться с Клео, с тобой одной,
злые окурки из темноты бросать,
накоротке с пространством и тишиной.

2 ноября 2016

* * *

мая радзіма, дзе мяне няма,
ды дзе цярпліва прычакае яма,
кім я табе, ты вырашыш сама,
калі ў нябыт расчынёная брама

зачыніцца, ніхто не праслізне —
анёлы не вяртаюцца дадому,
і ты мяне ўбачыш скрозь мяне,
і мы даруем нас адно другому.

22 декабря 2016

II

* * *

(из Феликса Чечика)

Я з лесу з'яўлюся. Я стану як вы,
дакладней — падамся такім,
здымаючы нанач парык з галавы,
абрыдлы змываючы грым.

На дзвюх, каб усім падмануцца лягчэй,
я буду хадзіць па зямлі,
і толькі б агні непагасных вачэй
вам праўду сказаць не змаглі.

Дзіця загалосіць у цішы начной,
і маці не знойдзе прычын,
параіцца прыйдзе, бядачка, са мной,
чаму непакоіцца сын.

І я калыханку яму запаяю,
і ён адпачне без турбот,
як звер, абдымаючы пысу маю
і ўткнуўшыся ў цёплы живот.

* * *

(из Феликса Чечика)

А калі ўсур'ёз, без фантазій,
не ламаючы гэту камедзь,
як Аглая глядзела на князя,
так мінуламу ў твар паглядзець,
што ўбачыш? — Любоў і расстанне,
два-тры словы на ідышы і
перад смерцю табе пажаданне
ад бабулі: любові ў жыцці.
Што пачуеш? — Фальшывую ноту,
боскі дар, утаптаны ў грязь.
Дасталося табе, ідыёту,
і ўдалося ўсё, хай і не князь.

* * *

(из Феликса Чечика)

Ён з пункта «А» паехаў да цябе
і выйшаў позняй ноччу ў пункце «Б».

А ты жадала, каб усе шляхі
зышліся ў гэтым гіблым пункце «і».

Астыла кава. Ежы паўстала.
А ён адразу ў «Б» паехаў з «А».

Завялі ружы. Здохлі салаўі.
І нават час спыніўся ў пункце «і».

А ён жыве, сумуе ў пункце «Б»
і вечарамі грае на трубе.

* * *

(из Феликса Чечика)

Сястры

Гэдээраўскай ляльцы не спіцца —
надта светла і веек няма,
колькі год, не ўзгадае сама,
у каморы самотна пыліцца
і няма каму плакацца: «ма».
Дзеці выраслі. Ўнукам да фені:
што старызна? — хай нават згніе,
ўсюды «Barbie», як цьмяныя цені,
на раскормленым фоне яе.
Худасочныя амерыканкі —
«Made in China» — ніякіх турбот.
А ў каморы кансервы, бляшанкі,
агуркі, памідоры, кампот.
Небарака ўздыхае бязгучна,
для яе не пяройдуць парог.
Хоць бы хто дакрануўся нязручна,
хоць бы хто зачапіў незнарок —
каб дашчэнтэ. Пагодзяцца людзі:
лепей так, а ў засценку — хоць плач.
І апошняе хрыплае: «Mutti!
Wo bist Du? Пашкадуй і прабач».

* * *

(из Феликса Чечика)

Мы і не марылі аб тым
ні ў першым класе, ні ў дзесятым.
Абдымемся і памаўчым,
разыйдземся пад снегападам.

Кружы над школай, летні снег,
і не перашкаджай бяссонню,
дзе пасівелы чалавек
з уласным цэнем танчыць сёння.

* * *

(из Сергея Шестакова)

яна прамаўляе: лес, — і вось ён сапраўдны лес
з травой па калені і з дрэвамі ў неба спрэс,
і крочыць яна ў зіхценне зялёных крон,
і лес адусюль бярэ яе ў палон,
яна прамаўляе: святло, — і вось ён ужо святло,
і ў свеце няма нікога, і слова — тло,
і воблака белай глінай згортаецца ў клубок,
пакуль ледзь чутна яна прамаўляе: бог...

* * *

(из Сергея Шестакова)

белага святла дваенне,
белы гул нябёсных рэк,
ты ўляцела на імгненне,
а здалося, што навек,

не прачнуцца ад наслання,
і стаіш нямы, глухі,
белы снег вершаскладання
замятае ўсе шляхі...

* * *

(из Насты Кудасовой)

а я пою вам мантры, горы
и мандрагоры,
бескомпромиссного прокруста
обняв до хруста,
смертельноликие горгоны
мне бьют поклоны,
мир дланью Зевса-богородца
к груди крадётся

* * *

(из Насты Кудасовой)

у подушки мягкие колени,
у разлуки — жадные ладони,
плотный запах вечности келейной,
очи серых пони.

у тебя царь-лев уснул под дверью,
для тебя сады возрастают раем.
здесь — я потерявшей голос дочерью
умираю.

* * *

(из Насты Кудасовой)

прорастаем сквозь тоску расстоянья,
сквозь немилостивых дней чернозём,
ведь, как смерть, сильна любовь к прорастанью:
выпрямлять себя живыми листьями,
страхи стряхивая в мире земном.

ведь ни нежности не нужно, ни ласки
духосущему, как парус, листу.
тела выбросив трусливую маску —
клёном белым или кедром ливанским —
я из всех земных глубин прорасту...

III

* * *

как будто можно отоспаться впрок,
но заставляли злые воспиталки,
да лучше б я не выучил урок
и тихий час талдычил из-под палки.

я б не курил по кругу за углом,
не опускал карбид в сырую воду,
и паренька, с которым не знаком,
не звал в побег из школы, на свободу.

но запирали двери на замок,
но забирали книгу и фонарик,
я подавлял немыслимый зевок,
а мой дружок мне предлагал чинарик.

и вот теперь, в безмерный час ночной,
когда сосчитаны все овцы из считалки,
я отмечаю в книжке записной,
как были правы эти воспиталки...

* * *

вести себя как беглец
и быть беглецом, пожалуй.
скрывать под рубцом рубец,
а телом — как пёс поджарый.

питаться в ночи, тайком,
обгладывая до сути,
а выть ни о чём таком,
чего бы не знали люди.

* * *

это детство, ему девятнадцать,
девятнадцать непуганых лет.
сколько можно по клавишам клацать,
возвращать электронный билет?

на одной из возможных кириллиц,
а внутри — единицы, нули,
набирать: *Вседержитель, Кормилец,*
огради, сбереги, исцели.

потому ли и детство, и юность
убежали любой западни?
а вот зрелость моя затянулась.
а вот это ты сам затяни.

* * *

и пусть накукует кукушка,
что мало осталось ку-ку,
ещё остаётся осьмушка
и всё, что собьётся в строку.

из рук вылетает синица,
я тоже уже ухожу.
Чухонцев сказал «осьмерица»,
придётся смириться — скажу.

* * *

нету, что ли, двадцати минут,
чтобы просочиться без остатка
в ту страну, где истины нальют,
если вечность улыбнётся сладко?

тычутся в границы вещества
атомы в расплавленном металле,
вот и ты привычно врёшь с листа
об обратной стороне медали.

то ли свет — он может и насквозь
и кругом, предметы огибая,
а тебе пространства не нашлось
и медаль сгодилась бы любая.

* * *

все прожекторы на меня
или прожектора не важно
потому что прошу огня
потому что живу бумажно

потому что ищу века
а на подступах скользко склизко
потому что ты далека
потому что я очень близко

* * *

как сотрясаются плечи
если смотреть со спины
как до обещанной встречи
верить что мы спасены

как помещается тело
в продолговатый предмет
если душою всецело
был в необъятность продет

Андрей

лежит на злополучном поле
и смотрит, смотрит в облака,
уже не средоточье боли,
не просветление — пока.

но вот уже топчут кони,
жужжат французы о своём,
и что такое в этом стане,
что мы дышать перестаём?

* * *

а поджатые губы поэта
означают, что эта планета
отправляется в тартарары.
только чёрточки автопортрета
сохраняются здесь до поры.

да и то, истлевает бумага,
это, в общем-то, тоже во благо —
тишина поглощает шумы.
и стоит не смущаясь бедняга,
молодые смущая умы.

* * *

внутренний трудовой
мой беспорядок дня
как я пойду домой
дома не ждут меня

вьётся сухой дымок
и во дворе сугроб
вечно валяться мог
но не любил сироп

долго же я живу
чтобы работать речь
нет бы по существу
в самую самость лечь

то ли на левый бок
загнут как уголок
то ли на правый бок
чтоб уволок Бог

* * *

а потом прилетает коршун
и выклёвывает глаза.
вот теперь ты заглянешь за.
рот чудовищно перекошен.

*коршун, коршун, не прилетай,
ничего уже не осталось,
что там билось, бежало, жалось —
стало пищей для ваших стай.*

запах коршунова крыла,
ад пронзаемой перепонки —
чтоб душа на краю воронки
о спасеньи себе врал.

*нет, не ужас, и нет, не страх,
это Бог выбирает сети,
я сегодня пребуду в свете,
но не в клювах и не в когтях.*

что там, солнце моё, блеснит,
воздух скрежетом рассекая?
и за кем вырастает стая?
ты не видишь, но он летит.

ты не слышишь, но он летит.

* * *

как плодоносит яблоня-дичок
в последний раз!
у старика любовь в провалы щёк
бежит из глаз.

а ведь просил её ещё вчера,
и всё никак.
он понимает, что пришла пора
и это знак.

отнять бы мог и веточку привить,
да смысла нет:
вдогонку не преминет отравить
дурак-сосед.

а что ему, его цветущий сад
давно отцвёл,
зато глаза сверкают и блестят,
и сам как вол.

проходит мимо — только вслед плюёт,
как идиот...
он поднимает почерневший плод
и в рот кладёт.

* * *

поэзия шептала: «к бою»,
и я хватал картонный меч.
я думал, что чего-то стою,
ну, надо ж было в землю лечь.

и вот лежу и в ус не дую —
как есть поэт, ни дать ни взять.
и знаю истину святую,
но не успел её сказать.

* * *

Валерию Черешне

заболеваемость и смертность
не уменьшаются, увы,
и в Датском королевстве смерклось,
что не мешает, ваша светлость,
на саване нащупать швы.

перемещается лампада
повдоль, от головы до ног,
вот и ему пришла пощада,
и полуночная прохлада
нежна, и Гельсинор далёк.

измазан человеческим салом,
слуга во рту слюнявит нить
и ропщет, зашивая саван...
слуга забыл о самом-самом —
о том, что остаётся быть.

* * *

прощай, патологоанатом,
похоже, больше никогда
тебе не шастать по палатам,
но не печалься, ерунда!

пила, щипцы-кусачки, скальпель,
крючок, брусок и молоток,
но их главное пара капель,
и что же? бел как потолок.

помянем не денатуратом
на подоконнике сухом.
ты не медбратом был, а братом
и в рифму говорил стихом.

твоя душа всегда пылала
как медицинский чистый спирт.
о, не срывайте покрывала —
патологоанатом спит.

* * *

поэзия разложилась,
верлибры уже не те,
а я ещё помню живость
и бабочек в животе.

когда они были злыми
на то, что вокруг мертво,
и крылышками стальными
изрезали всё нутро.

раздельно теперь, раздольно
и так далеко до слов.
как жаль, что уже не больно
накладывать шов на шов.

* * *

до табуретки дело не дошло,
и хорошо,
ещё успею встать на табуретку.
пришел отец и дышит тяжело,
глаза отводит, просит сигаретку.

а у меня затмение небес,
большой вопрос к Тому, Кто Смотрит в Оба,
а у тебя и времени в обрез,
и что сказать?
ведь не про тайны гроба?

когда бы прохудился небосвод,
и ангелы...
да что ж я, в самом деле!
опять пишу, и скоро Новый год,
прости, родной, что спички отсырели.

* * *

фамилия отца
и матери могила
все что осталось от
оставшегося от
не он меня растил
и не она молила
простить и тишина
бесшовный саван шьёт

* * *

последний наполненный светом день,
пока ещё не пришли,
и чем ты наполнил свою скудель,
то к сердцу скорей прижми.

любовь или ненависть через край,
какой-то талант на дне,
а мыслей разброд и идей раздрай
оправданы не вполне.

и как ты покинул своих родных,
как бросил своих друзей,
и как оставляют детей одних,
так эту скудель разбей.

* * *

когда умрём и встретимся, два облака, —
поговорим, а так — пока, пока...
и то сказать, какая в этом логика,
что бесконечно мы не облака?

ответа нет, а я ещё с рождения
боялся неспроста покинуть дом,
преодолеть земное притяжение
и раствориться в облаке другом.

* * *

Евгению Бесчастному

пока не загребли менты,
прийти в общественное место
и воплотить свои мечты
из несогласья, из протеста.

дыми и наливайся всклянь,
и сквернословь напропалую
за эту стынь, за эту срань,
за эту ненависть прямую.

пускай сгребут, предъявят штраф,
пусть отобьют бока в подъезде,
да хоть убьют, к стене прижав
(здесь, в Петербурге, всё по жести), —

а если кто-то сдует пыль
или погладит по обложке,
Господь, пошли ему бутыль
и покатай на неотложке.

* * *

подбирается время к твоим часам
хищно смотрит на циферблат
мы вот так же собраны по частям
просыпаешься ночью и сам не рад

запотевшее стёклышко протереть
а замёрзшее продышать
потому что всё что случится впредь
нужно видеть не хочется продолжать

* * *

в конце концов, поэзия важней
всего на свете,
ещё немного поблуждаю в ней
и кану в неги.

смотрю в окно и вижу стадион,
трамвай, троллейбус,
я должен лицезреть со всех сторон
твой мир, твой ребус.

пустой вагон везёт пустой портфель
в депо пустое,
а в полночь сочиняется апрель,
тепло простое.

тетрадь закрою, юркну в темноте
под одеяло.
теперь представь, что нет меня нигде
и не бывало.

Стансы

I

хочешь кофе — твори обряд,
но сперва принимай парад
тощих спичек темноголовых.
все в строю, но не все горят —
в безымянных лежат героях.

II

спать мертвецки, кругом стена,
чтобы мёртвых поднять со дна,
пламя лижет стальное пузо.
все путём, но путём зерна.
и воды, если нету шлюза.

III

там, конечно, давно не рай,
слишком долго смотрел за край,
убегающий из-под крышки.
знать, как сильно ни закрывай,
а сильнее мечта парнишки.

IV

мы проснёмся, того гляди,
кем угодно, но не людьми,
если не нашаманит джезва.
жаждешь кофе, хотел любви,
но опять распахнулась бездна.

IV

Буги-стрит

(из Леонарда Козна)

о свет и тьма, я твой должник,
я думал, путь закрыт,
но поцелуй — и в тот же миг
я вновь на Буги-стрит.

вино и пара сигарет,
и всё — зовёт вокзал.
я выключил в прихожей свет,
я банджо в руки взял.
в час пик попробуй в пробку влезь,
кто б ни был ты, пиит.
я тот, кто есть, и вот я здесь,
стою на Буги-стрит.

любовь моя, я до сих пор
взволнован чистотой
всех водопадов и озёр,
что переплыл с тобой.
я тот, кто, голову склоня,
пока ты спишь, не спит.
вот так ты сделала меня
мужчиной с Буги-стрит.

сюда, друзья мои, скорей,
без вас и тьма темней,
а здесь любовь — и та светлей,
мы растворимся в ней.
свод правил, список чёрных схем
на выходе висит,
но кто привёл нас и зачем
сюда, на Буги-стрит?

Напоминает блюз

(из Леонарда Козна)

я видел страх и голод,
насилие и смерть,
пожар, пожравший город,
плоть продолжает тлеть.
кто не отвёл бы взгляда
и вынес этот груз
трагизма, боли, яда,
похожего на блюз?

я прожил сотни жизней
от мысли к мысли здесь,
когда ж не станет мыслей,
умру и сам я весь.
щипцы, зажимы, плети,
палач вошёл во вкус,
война, и гибнут дети,
о Боже, что за блюз!..

был жар из сердца изгнан —
и гнили сгинул след.
отец сказал — я избран,
но мать сказала — нет.
я сам, по их рассказам,
поляк и белорус.
за ум заходит разум,
напоминает блюз.

ни ада нету ниже,
ни Бога выше нет, —
сказал профессор книжек,
знаток, авторитет.

но если пригласили
спастись, лютей искус:
я грешен, я не в силе
не слушать этот блюз.

Это знают все

(из Леонарда Козна)

каждый знает, что все карты биты,
скрещенные пальцы не спасут,
голодны одни, другие сыты,
но и те и те пойдут под суд.
бой заснят, и вряд ли срок скостят,
жизнеутверждающе хрустят
кости в колесе —
это знают все.

знает экипаж, что в трюме пусто,
знают все, что капитан урод,
каждому знакомо это чувство,
будто их отец сейчас умрёт.
все хотят ответа на вопрос,
все хотят конфет и алых роз
в утренней росе —
это знают все.

всем известно, ты моя невеста,
я влюблён, ты тоже влюблена,
ты верна мне, это всем известно,
ночь и даже две была верна.
скольким в темноте и на свету
ты свою являла наготу
во всей красе,
точно знают все.

знают все: Чума грядёт некстати,
запасают хлеб, копают рвы,
но она и он в одной кровати —
только знак, что все давно мертвы.

тайные свидетели стоят,
не спускают глаз и копят яд
змеями в овсе —
это знают все.

ты в беде — об этом знает каждый,
знает каждый о твоём пути:
здесь, где в Малибу ты мучим жаждой,
там, где на кресте ты во плоти.
посмотри вокруг в последний раз,
прежде чем всё скроется из глаз,
ты теперь везде —
это знают все.

Аллилуйя

(из Леонарда Козна)

я слышал, тайный взят аккорд,
Господь был рад, Давид был горд,
но ты не любишь музыку такую.
тебе плевать, четыре, пять,
как звукам падать и взлетать
из губ царя, сливаясь в «аллилуйя».

и в раны ты влагал персты,
но от полночной красоты
ослеп и просто шёл за ней вслепую.
сидишь на стуле, где твой трон?
одна она со всех сторон —
из губ твоих ворует аллилуйю.

считаешь, все слова не те
и тщетны в этой темноте,
мы, видно, говорим с тобой впустую.
неважно, слышишь или нет,
но в каждом слове бьётся свет,
как сердце в теле, это аллилуйя.

я сделал всё, что сделать мог,
с такой овцы хоть шерсти клок,
и я не тот, кто врёт напропалую.
а если всё пошло не так,
пред пастырем предстану наг,
и пусть из губ прольётся аллилуйя.

Лили, Розмари и Валет Червей

(из Боба Дилана)

Премьера состоялась, погашен свет, следы заметены
И в кабаре так тихо, что даже слышно дрель из-за стены
Конец игры, не крутится рулетки колесо
Кого-то принесло сюда, кого-то пронесло
Он стоял в дверном проёме, ну вылитый Валет Червей

«Плачу за всех сегодня», — промолвил он, пересекая зал
На миг все обернулись, и ни один спасибо не сказал
Тогда он к одному из них с ухмылкой подошёл
«Будь другом, братец, подскажи, когда начнётся шоу?»
И сел в углу за столик, глядя исподлобья как Валет Червей

На лестнице у сцены играли в стад, победа на кону
У Лили были дамы, и нужно было ей ещё одну
И шум врывался с улицы в раскрытое окно
И ветерок на улицу звал нежно Лили, но
Она рискнула снова, и выпал ей Валет Червей

Что до Большого Джима, он денди был, но не был дураком
Единственный в округе, владеющий алмазным рудником
Вошёл одет с иголки и с тросточкой в руках
За ним телохранители, они внушают страх
Но что охрана с тросточкой, когда на свете есть Валет Червей

До города в коляске, спешила, приодевшись, Розмари
Пускай и без короны, а королева, как ни посмотри
И хлопая ресницами, прильнула вся к нему
Но все слова и нежности как будто ни к чему
Он смотрел поверх голов в ту сторону, где сел Валет Червей

«Откуда, — думал Джимми, — его лицо давно знакомо мне?
По Мексике, быть может, или по снимку где-то на стене»
Но в зале погасили свет, и все подались вон
Остались в тёмной комнате всеильный Джим и он
Глядевший на красотку, которой только что пришёл Валет Червей

Похожа на принцессу, к тому же несравненно сложена
Любимица заезжих, а улыбнётся — так совсем княжна
Уйдя из дома в юности, познала мир страстей
Была самоотверженна с тузами всех мастей
Но знала Лили-умница, что побивает всех Валет Червей

Под звук немолчной дрели, из тьмы за обстановочкой следя
Почти доел свой ужин, никем не узнан, вешатель-судья
Он тоже знал, что страшный Джим неровно дышит к ней
И что он Лили нравится, чем дальше, тем сильнее
А помешать им сможет разве лишь Валет Червей

На дне большой бутылки и в лезвии зеркального ножа
Мари узрела правду: жена Большому Джиму не нужна
И прежде, чем преставиться — спасибо, пожила
Ещё бы дельце доброе — и завершить дела
Она смотрела в будущее, в будущем встречал Валет Червей

Лицо своё умыла и платье для него своё сняла
И усмехнулась Лили: «Твоя удача — крошки со стола
Но почему так радостно наедине с тобой
Ты жив, а это главное, да ты почти святой»
А ниже этажом шаги на лестнице и голос: «Где Валет Червей?»

А режиссёр за сценой на стуле ёрзал, говорил: «Кошмар,
Грядёт дурное что-то, я чувствую перемещение хмар»
И он к судье направился, но тот был сильно пьян
Актёр, святош играющий, и то поднял стакан
И не было среди них актёра лучше, чем Валет Червей

Он прикоснулся к Лили, их руки были тесно сплетены
Она забыла Джима, никто из них не чувствовал вины
«Как сильно я соскучилась...» Он знал — она не врёт
Но страх и ревность ждут её за дверью в свой черёд
Вот так очередную ночь провёл Валет Червей

Никто не знает точно, и истины едва ли сыщешь след
Но по людским рассказам дверь вышибли, и клацнул пистолет
В дверях стоял несчастный Джим, безмерно изумлён
За ним стояла Розмари, взошедшая на трон
Она была с ревнивцем, но в мыслях у неё стоял Валет Червей

А по соседству парни прошли сквозь стены к восхищению всех
И, вытащив из банка, надорвались, неся огромный сейф
Они укрылись в темноте и ждали на реке
Того, кто должен был дела закончить в городке
Они ушли бы сразу же, вернись Валет Червей

Назавтра были казни, темно и мглисто было в вышине
Одели в мешковину Большого Джима с ножиком в спине
Качали Розу в петельке туда-сюда ветра
Был вешатель как стёклышко, ещё не пил с утра
Отсутствовал при этом лишь Валет Червей

Дверь в кабаре крест-накрест, висит листок «Закрыто на ремонт»
Живёт без грима Лили, ничто её на сцену не вернёт
И думает красавица про старого отца
Про то, что обхитрит закон любого хитреца
Но чаще в мысли к Лили приходит он, Валет Червей

Похоронный блюз

(из Уистена Хью Одена)

останови часы, забудь про телефон,
дай псу сочнее кость, и пусть уймётся он,
пусть не звучит рояль и стихнет барабан,
и пусть выносят гроб, и пусть аэроплан

мятущийся, помочь не в силах тишине,
чтоб знали все, «он мёртв» начертит в вышине.
пусть голубь в пух и прах свою запрячет грусть,
не сносит чёрный цвет регулировщик пусть.

он был мой север, юг, восток и запад мой,
и шестидневный труд, и славный выходной,
и ночь моя, и день, и вот, его обняв,
я думал, быть любви всегда, но был неправ.

на что теперь смотреть? считай, что я незряч.
все звёзды погаси, луну и солнце спрячь,
сотри леса, моря на миллиарды лет,
отныне ничего хорошего в них нет.

Свадьбы в Троицу

(из Филипа Ларкина)

я в Троицу едва не опоздал
на поезд свой,
но где-то в час ворвался на вокзал
и заскочил в вагон полупустой,
все настезь окна, жарятся мозги,
нет мыслей, и помчало старика
мимо задворок, улиц, городов,
слепащих стекол, залежей трески,
оттуда, где скрывается река,
туда, где нет у неба берегов.

в жаре такой — Господь не приведи —
держа на юг,
плелись и мчались по кривой среди
богатых ферм, скота в тени лачуг,
каналов с жирной пеной заводской,
теплиц, объятых зарослями роз,
дурмана луговых цветов и трав,
такая духота, что хоть закрой
до города сырой салфеткой нос,
а вот и он: машины, телеграф.

шум свадеб не смущал души моей,
а шли они
везде, где мы стояли. мне милей
что зреет на свету, а не в тени
перронов длинных. я, заслышав гам,
себе представив грузчиков-рубаш,
зарылся в книгу. но когда из глаз
перрон поехал, я увидел там
девчушек в платьях и на каблуках,
и все смущённо провожали нас,

как будто и взаправду нам пора
сказать пока
прошедшему. но затхлая дыра —
и я уже смотрю не свысока,
а с любопытством, видя каждый раз
отцов — осанка, пиджаки, ремни,
и матерей — оранье, телеса,
дядья бранятся; и от блеска страз
не знаешь, а реальны ли они —
невесты, их букеты — чудеса!

но даже свадьбы подошли к концу.
со всех дворов
и ресторанов шедшие к венцу
бегут с горою свадебных даров,
салятся в поезд, а внизу родня
их окружает и бросает вслед
последние слова и конфетти.
попутчики не смотрят на меня,
а я глазею: загрустил сосед —
ему не доведётся так цвести.

на детских лицах скука и хандра,
не то у дам —
те сплетничать могли бы до утра,
а девушки молчат, как будто в храм
навелись на исповедь. но вот
столицу мы увидели вдали.
окутывая паром тополя,
наш поезд вздрогнул и прибавил ход,
в окне лежат в строительной пыли
фундаменты домов. есть время для

чего? разгладить шляпу и вздохнуть:
«я чуть не сдох»,
так много свадеб, так недолог путь.
и все глядим в окно, пейзаж неплох —
градирня мимо, мимо «Одеон»,
все думают о пище, ни один
не думает о ближнем, о другом,
что нас в грядущем не увидит он.
а Лондон, думал я, простолюдин,
прилѣгший отдохнуть — цветы кругом.

и спальные вагоны за окном,
и что ни стык,
и стены, зарастающие мхом,
явили правду: город нас настиг.
быть может, ошибаемся? но нет,
пришла пора расстаться навсегда.
в миг торможенья ощущаешь дрожь,
как если бы на много-много лет
тебя отсюда унесло туда,
где ливень стрел перерастает в дождь.

* * *

(из Альфреда Эдварда Хаусмана)

как этот воздух ядовит,
когда его вдохнёшь,
в нём каждый растворённый вид
тебя бросает в дрожь:

холмы, и шпили, и дома,
и ясно лишь одно —
там был я счастлив задарма,
там нет меня давно.

V

Настоящий раздел
составили избранные колонки,
опубликованные на портале Textura

О переезде в Москву

Никому не интересно, как я переезжал.

А я взял самое важное: кота, любимый паркер с парой-тройкой запасных стержней, флешку со стихами и сумку. В сумке, обернутые в одежду, лежали две книжки: «Поэтическая антология» Артёма Скворцова с автографом и «Стихотворения» Сергея Гандлевского.

Почему Скворцов? Почему Гандлевский?

Скворцов — потому, что я не успел дочитать эту книгу, а очень хотел. Артём изрядно потратился, чтобы прислать эту книгу в Минск из Казани. (Получилось так, что потом мы всё равно встретились в Москве, и я понял, что он мог бы не тратиться, но кто мог себе представить?..)

А Гандлевский просто потому, что это лучший поэт современности. Не считая Чухонцева, конечно. Но книга Чухонцева, подписанная автором, у меня уже была, а вот об автографе Сергея Марковича я мечтал.

Был январь, раннее утро, мороз и темнота. Друг Олег Горгун помог спустить сумку, взял на хранение ключи и отсалютовал. Я сел в машину к незнакомому водителю и уехал в Москву.

Почему я переехал? Из-за любви, конечно. А что ещё может заставить бросить близких в шаговой доступности, бесценных друзей, обжитое жилище, богатую библиотеку? Конечно, только любовь.

Жалею ли я? Ни разу.

Днём я уже был в Москве. Кот в переноске вёл себя молодцом, хотя это и было второе его путешествие в машине и первое — на такое расстояние. Имя, которым я назвал зверя, оправдалось — Одиссей.

Нас никто не встречал. У кассира я спросил, пустят ли меня в метро с животным. «Конечно. Мы даже с собаками пускаем», — был ответ.

Одиссей, как Орфей, спустился под землю.

Об Орфее в подземке уже написал Гандлевский в своём эссе о Ходасевиче. Хорошее эссе. И Ходасевич замечательный. Рекомендую, если не читали. Ну да кто я такой, чтобы рекомендовать Ходасевича.

А автограф Сергея Марковича я заполучил. «Я вас узнал», — промолвил классик, когда я представился, и прошептал к столику

у окна. Любители поэзии покидали библиотеку. Кумир подумал и написал: «Андрею Фамицкому с наилучшими пожеланиями».

А флешку с рукописью моей книги у меня потом украли.

О премии «Лицей»

* * *

а мы взрослеем между тем
в такой-то суете
у смерти будем в лонг-листе
а после в шорт-листе

когда наступит наш черёд
она нас заберёт
истлеем с лонг- и шорт-листом
но это все потом

Игорь Хохлов

а ф. мне не конкурент,
ибо я на сей раз не была в игре.

Любовь Глотова

Ещё Станислав Ежи Лец подметил: принять лавровый венок — значит выдать размер своей головы.

Я вспомнил эти его слова, когда подумал, что теперь я официально «молодой». Поэт? Насчёт этого есть большие сомнения. А вот молодым я давным-давно себя не считал. То есть нет, вру, не то что не считал, а не задумывался об этом — просто писал себе и писал. Предвкушал будущее. Старость. Время, отпущенное на наблюдение, чтение, мысли и, возможно, брюзжание.

Прав Игорь Хохлов: единственный лонг- и шорт-лист, который стоит принимать в расчёт — список на выбывание. Мы все в нём, а значит равны. И это не игра, а значит никто никому не конкурент. Считать иначе — возиться в песочнице, когда грядёт песчаная буря.

Зачем же тогда участвовать в премиях и — может быть даже — получать их? Ради денег, конечно. И то, на премию «Начало» я не подавался сам.

И даже не знал о её существовании. А на премию «Лицей» не подался бы, как не подался и в первый год её существования, если

бы не происшествие в личной жизни, для ликвидации последствий коего могли понадобиться денежные средства.

Слава? Про песочек повторяться не буду.

Помню, в 2016 году Сергей Александрович Филатов со сцены, на закрытии форума в Звенигороде, насмешливо произнёс: «Знаменитый Фамицкий», перепутав меня с другим человеком с фамилией на Ф., на которого был зол за то, что тот на форум приехал, но ни одного семинара и мероприятия не посетил. После закрытия форума мы с Клементиной Ширшовой заскочили в лифт. В лифте поднимался наверх Сергей Чупринин. Я поздоровался и сказал: «Я тот самый знаменитый Фамицкий». Сергей Иванович степенно ответил: «Вот видите, какими окольными путями к нам подбирается слава». Это единственный раз, когда я был «знаменит». Смешно. И смешно вспоминать.

А в детстве и юности хотелось славы. Помню, когда издательство подарило мне бракованный тираж первой книжки, я приехал на площадь и, чтобы добро не пропало, раздаивал её прохожим. Думал, город будет гудеть. Город, конечно же, не гудел.

А что говорить о первой публикации? Это вообще отдельная история, и об этом я ещё напишу. Но, в общем, она про то же — про то, что лучшие помыслы и намерения оборачиваются вываливанием тебя в грязи или в чём похуже.

Сейчас же мы сидели на продуваемой холодными ветрами сцене («...когда нездешняя прохлада уже бежит по волосам...»), и я смекнул: если третье и второе место отдали девушкам, то по теории вероятности шансы на первое место у парней увеличились. Но когда Сергей Филатов после объявления второго места, сходя со сцены и проходя мимо, похлопал меня по плечу, мне стало совсем не важно, что дальше: главное случилось, стихи действительно прочитали.

5 июня я положил себе: если 6-го что-то дадут, 7-го напишу заявление на увольнение с нелюбимой работы. Слава Богу, это случилось.

Первое место стало полной неожиданностью. До и во время церемонии я не волновался, а вот после объявления моего имени заволновался сильно: «Что говорить? Я же не готовился!» Надо было не опростоволоситься и не упасть в грязь лицом (в грязи обвалиют потом другие), и я сказал правду: я благодарен экспертному совету и членам жюри.

И всегда буду благодарен.

О Петербурге

Думаю, никому не интересна моя первая поездка в Питер. Как, собственно, и вторая. Но я запишу впечатления. На память.

Надо сказать, что, если бы не мой друг, замечательный поэт Евгений Бесчастный, в Питер я попал бы нескоро. Клементина там уже была, а я не был никогда. Но всю свою сознательную жизнь, со времени увлечения поэзией, хотел попасть.

И мы сходили туда — в «Бродячую собаку». Я помню, сколько-то лет назад видел новостной репортаж о восстановлении этого кафе на старом месте. А до этого подвал был простым подвалом, чуть ли не бомжи там жили. Но, по словам Жени, даже бомжи в Петербурге интеллигентные. Не довелось убедиться: видел только одного бомжа, да и то спящего.

Первая поездка в Петербург была интенсивнее в том смысле, что у нас было меньше времени на всё: два дня против четырёх. И мы уместили в эти два дня всё, что смогли. Питер очень сильно напомнил Минск. И на второй день я в нём уже неплохо ориентировался.

Первая поездка была «пешеходная» (притом, что посетили около семи кафешек и сходили в гости), а вторая — «сидячая». И я бы добавил: рабочая. По делам «Текстуры» встречались с Валерием Черешней и Владимиром Гандельсманом. Каждый из этих двух друзей-поэтов — настоящий микрокосм со своими законами существования материи. Мы были впечатлены и одухотворены.

В первый приезд Женя сказал, что мы находили примерно 20 км. Во вторую — не известно. И если в первую поездку мы ходили в «Бродячую собаку», то во вторую — в бар «1703». Не пытайтесь увидеть в этом символ: поэзия не рэп, а рэп не поэзия.

По результатам первой поездки я написал стихотворение с посвящением другу, оно написано по горячим следам и основано на реальных событиях: Женю пытались спровоцировать на дачу взятки два полицейских. Стихотворение отдал в «Арион».

Хотели сходить в букинист, но не сходили. Сходили, когда приехали во второй раз, и в Москву привезли целую библиотеку: не толь-

ко книги из букиниста, но и книги Черешни, Гандельсмана, Льва Дановского, а также книги, купленные в «Гараже». Почему-то пару нужных мне книг я не мог найти в Москве, а в Петербурге, в этом самом «Гараже», они, к счастью, отыскались.

Раньше я ездил из Минска в Брест, и там меня встречал Женя или Володя Глазов. Или они вместе. А теперь езжу из Москвы в Петербург, к Жене. Меняется всё, и не меняется ничего.

Правда, Бесчастный намекал, что, возможно, они с женой уедут из Петербурга. Что я могу сказать...

Дорогой Женя, я надеюсь, в Петербурге мы сойдёмся снова!

О том, какой я писатель

Есть такой журнал «Нёман». Два года назад, в ноябре 2016 года, редактор отдела поэзии Наталля Казапалянская (Капа) предложила мне наряду с другими писателями ответить на анкету. Я принял приглашение. Наталья сказала тогда, что материал будет опубликован в первом номере за 2017 год. Но так и не был опубликован ни тогда, ни после. Восстанавливаю, так сказать, справедливость. Тем более что мнение мое не изменилось.

Тема языка в нашей стране — больная тема. Словно открытая рана, к которой боязно прикасаться. И все-таки говорить об этом и хочется, и, видимо, надобно. Так как в обществе если не открыто ставятся, то, по крайней мере, витают в воздухе вопросы, на которые хотелось бы слышать ответы.

Сказать — всё равно, на каком языке литератор пишет свои произведения, лишь бы было талантливо, — думается, немного слукавить. А что если бы, скажем, Александр Сергеевич Пушкин писал не на русском языке, а, например, на французском? Какая бы это была потеря для русской литературы, русского языка, России в целом, не правда ли?

Сегодня мы попросили писателей Беларуси, которые пишут на русском языке, ответить на некоторые наши вопросы.

1. Почему язык Вашего творчества русский, а не белорусский? Вы выбирали, на каком языке писать, или всё произошло само собой? Как Вы себя определяете: русский писатель, живущий в Беларуси, белорусский русскоязычный писатель или как-то ещё? Вам важнее быть признанным в Минске или в Москве, т. е. в Беларуси или в России?

Язык моего творчества русский, потому что он мой родной. Я пишу на своём родном языке. Всё произошло само собой, когда только начинал писать, вопроса, на каком языке это делать, передо мной не стояло. Если я себя как-то и определяю, то просто — писатель. По моему мнению, прилагательные «русский» и «белорусский» относят-

ся не к языку, на котором автор пишет, а к стране, чьим писателем является. Так вот, я не отношу себя к какой-либо стране. Считаю, что страна должна решать, нужен ей тот или иной автор либо нет. Если Австралия назовёт меня своим, австралийским, — ради Бога!

2. Довелось как-то слышать спор: на уроках какой литературы — русской или белорусской — нужно изучать произведения, написанные белорусскими русскоязычными писателями (условно назовём всех так). Учителя русской литературы говорили следующее: русская литература приходит к нам из России, плюс к тому, у нас и так очень большой объём. Учителя белорусской литературы — мы изучаем то, что написано на белорусском языке. А что Вы думаете по этому поводу?

На этот вопрос я частично ответил выше. Не язык написания определяет принадлежность литературы, а страна. Если у нас два государственных языка, автор может считаться и русским, и белорусским писателем. Вопрос в том — Россия или Беларусь назовёт его своим? Даже если обе — ничего страшного! В рамках какого школьного предмета изучать произведения автора, живущего в Беларуси и пишущего на русском языке? Да создайте вы предмет «Литература Беларуси» — и какие вопросы?!

3. Что можно/нужно сделать для поддержки белорусского языка? Какими Вы видите роль белорусского языка и роль русского языка в нашей стране?

Хороший и правильный вопрос. С белорусскоязычной литературой ничего делать не нужно — она процветает. А как поддержать белорусский язык — вот это вопрос. Думаю, мои коллеги — белорусскоязычные писатели — ответили бы на этот вопрос лучше, но. Но. Мне кажется, что в современном мире язык нужно продвигать, как продвигают какой-нибудь продукт, товар, бренд. Язык следует сделать модным, популярным, привлекательным. Каким образом? Нужно думать. Кто этим займётся? Не знаю. Кто этим должен бы заниматься? Вы знаете. Что касается роли языка, то она определяющая вообще во всём. Грубо говоря, обезьяна заговорила — и стала человеком. В нашей стране нужно стремиться к тому, чтобы люди разговаривали на чистых, литературных, русском и белорусском языках, иначе есть риск выродиться в племя обезьян.

Содержание

I

«было это где-нибудь в Стаканове...»	5
«сад будет продан, вырублен, сожжён...»	6
«строительство водонапорной башни...»	7
«струйка дыма и горстка пепла...»	8
«ехать куда-нибудь...»	9
«низовая лексика...»	10
«в поисках Клео, акме и пары строк...»	11
«мая радзіма, дзе мяне няма...»	12

II

«Я з лесу з'яўлюся. Я стану як вы...» (из Феликса Чечика)	15
«А калі ўсур'ёз, без фантазій...» (из Феликса Чечика)	16
«Ён з пункта „А“ паехаў да цябе...» (из Феликса Чечика)	17
«Гэдээраўскай ляльцы не спіцца...» (из Феликса Чечика)	18
«Мы і не марылі аб тым...» (из Феликса Чечика)	19
«яна прамаўляе: лес, — і вось ён сапраўдны лес...» (из Сергея Шестакова)	20
«белага святла дваенне...» (из Сергея Шестакова)	21
«а я пою вам мантры, горы...» (из Насты Кудасовой)	22
«у подушки мягкие колени...» (из Насты Кудасовой)	23
«прорастаем сквозь тоску расстоянья...» (из Насты Кудасовой)	24

III

«как будто можно отоспаться впрок...»	27
«вести себя как беглец...»	28
«это детство, ему девятнадцать...»	29
«и пусть накукует кукушка...»	30
«нету, что ли, двадцати минут...»	31
«все прожекторы на меня...»	32
«как сотрясаются плечи...»	33

Андрей	34
«а поджатые губы поэта...»	35
«внутренний трудовой...»	36
«а потом прилетает коршун...»	37
«как плодоносит яблоня-дичок...»	38
«поэзия шептала: „к бою“...»	39
«заболеваемость и смертность...»	40
«прощай, патологоанатом...»	41
«поэзия разложилась...»	42
«до табуретки дело не дошло...»	43
«фамилия отца...»	44
«последний наполненный светом день...»	45
«когда умрём и встретимся, два облака...»	46
«пока не загребли менты...»	47
«подбирается время к твоим часам...»	48
«в конце концов, поэзия важней...»	49
Стансы	50

IV

Буги-стрит <i>(из Леонарда Козна)</i>	53
Напоминает блюз <i>(из Леонарда Козна)</i>	54
Это знают все <i>(из Леонарда Козна)</i>	56
Аллилуйя <i>(из Леонарда Козна)</i>	58
Лили, Розмари и Валет Червей <i>(из Боба Дилана)</i>	59
Похоронный блюз <i>(из Уистена Хью Одена)</i>	62
Свадьбы в Троицу <i>(из Филипа Ларкина)</i>	63
«как этот воздух ядовит...» <i>(из Альфреда Эдварда Хаусмана)</i>	66

V

О переезде в Москву	69
О премии «Лицей»	71
О Петербурге	73
О том, какой я писатель	75

Литературно-художественное издание

Фамицкий Андрей Олегович

minimorum

Дизайн: Дмитрий Дмитриев
Вёрстка: Екатерина Ставрева
Корректурa: Анна Леонова

Техническая редактурa
и допечатная подготовка:
Мастерская Антона Чёрного

Подписано в печать 23.12.2019
Формат 148x210 мм. Усл. печ. л. 4,6
Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Тираж 200 экз. Заказ 32383

Отпечатано в типографии «Грин Принт»
Москва, Измайловское шоссе, 28
(495) 118-09-26

МАСТЕРСКАЯ
АНТОНА
ЧЁРНОГО

ОФОРМЛЕНИЕ И ИЗДАНИЕ КНИГ

Москва • Вологда • Ростов-на-Дону

www.chorny.pro • chornyanton@gmail.com